

В восемь часов вечера, точно в назначенное время, Фу Яньлинь вышел на сцену бара «Кейбокс».

Это было заведение в стиле фолк, где посетители особенно ценили неспешный, размеренный ритм. Гости, остановившиеся в гостевом доме, могли предъявить свою ключ-карту и получить здесь один бесплатный коктейль.

В половине девятого Мо Сяобэй толкнул дверь и вошел внутрь. Он намеренно выбрал столик в самом углу, расположенный по диагонали от сцены: с этого ракурса Фу Яньлинь был виден ему как на ладони. Закинув ногу на ногу и слегка прищурившись, он принялся внимательно разглядывать мужчину.

Фу Яньлинь был одет в футболку черно-красных тонов, украшенную традиционными китайскими пуговицами-узлами. В правом ухе поблескивала серебряная серьга с изящной кисточкой, а на шее красовалось необычное этническое украшение. Мо Сяобэй сразу узнал этот стиль – пару дней назад, прогуливаясь по городу, он видел подобные вещи в серебряной лавке, которой владели местные жители народности наси. «Ну и простофиля же этот гонконгец, – подумал он. – Неужели он всерьез не знает, что в туристических местах цены всегда завышены?»

Звезды первой величины и впрямь бывают крайне требовательны к своему образу. Мо Сяобэй слушал, как Фу Яньлинь исполняет кантонские песни и фолк. Когда зазвучала «Девушка из маленького городка», несколько девушек в зале то и дело бросали на него восхищенные взгляды. Хотя лицо певца было скрыто маской, его слегка приподнятые «персиковые» глаза, казалось, всегда светились мягкой, едва уловимой улыбкой, словно весь его облик был создан для любви и нежности.

Мо Сяобэй воочию наблюдал, как во время перерыва между песнями к исполнителю подошла одна из посетительниц, желая угостить его выпивкой.

«Тц... Даже не видя его лица, они все в него влюблены...»

В душе Мо Сяобэя необъяснимым образом зародилось легкое раздражение. Ему почему-то совсем не хотелось, чтобы Фу Яньлинь принимал этот напиток. В следующую секунду, словно почувствовав на себе чужой взгляд, Фу Яньлинь слегка повернул голову и заметил Мо Сяобэя, который наблюдал за ним из своего угла. Он уже хотел было поприветствовать его, но Мо Сяобэй не дал ему такой возможности: он лишь едва заметно приподнял свой бокал в сторону

Фу Яньлиня, залпом осушил его и с легкой улыбкой указал на дверь, давая понять, что будет ждать снаружи, после чего молча ушел.

Фу Яньлинь на мгновение замер, и на его лице отразилось явное замешательство, но время поджимало, и нужно было возвращаться к работе. Он повернулся к девушке, которая с надеждой смотрела на него, и вежливо отказал:

- Спасибо, но пить я не буду. Мне пора возвращаться на сцену. Если хочешь, скажи, какую песню ты хотела бы услышать, и я спою её для тебя.

В ту же секунду на экране его телефона всплыло сообщение от Мо Сяобэя: «Выступление просто отличное, мне очень понравилось. Но в помещении слишком душно, поэтому я выйду на улицу. Если после закрытия будешь свободен, не забудь угостить меня выпивкой».

Девушка покраснела и закивала. Она что-то заговорщицки прошептала подруге, и обе они захихикали, толкая друг друга локтями и украдкой поглядывая на Фу Яньлиня. Наконец, самая смелая из них решилась спросить:

- Красавчик, можно твой вичат?

- Прости, я не даю свой вичат, но могу подарить тебе песню. Разве не лучше оставить воспоминания об этом вечере такими, какие они есть? - Фу Яньлинь с мягкой улыбкой покачал головой.

Он и в обычное время не любил добавлять в друзья кого попало, а сейчас, когда он всю скрывался от хейтеров, и подавно. А что, если это окажется фанатка Хэ Кая, которая просто хочет его подставить? Вспомнив об этом, он даже почувствовал легкую горечь: единственная награда, которую он когда-либо получал в своей карьере, - это сомнительный титул «артиста, который лучше всех умеет работать с аудиторией».

«Если не работать с аудиторией, то как удержать фанатов? Их и так осталось до обидного мало. Это куда более утомительное занятие, чем просто заниматься музыкой».

В половине третьего ночи бар закрылся, и толпа разошлась. Фу Яньлинь, как и обещал, отправился с Мо Сяобэем на ночной перекус. В воздухе уличного кафе витали дразнящие, аппетитные ароматы пряных крабов, раков и жареных шашлыков. Фу Яньлинь открыл бутылку пива, сделал большой глоток, и ледяная пена приятно освежила его. Осушив больше половины бутылки, он с легкой самоиронией произнес:

- Ты что, только вчера в интернет вышел? Совсем не читаешь новости шоу-бизнеса? Или я

настолько скатился на самое дно, что ты даже не в курсе, кто я такой?

- Не читаю, - коротко ответил Мо Сяобэй. - Я слишком занят тем, что зарабатываю деньги, а мое единственное развлечение - это изредка поиграть в игры. К тому же, весь этот ваш шоу-бизнес невыносимо скучен: одни и те же сплетни и бесконечные драмы. А нынешние фильмы и сериалы - это просто настоящая пытка для глаз. Многие звезды ведут себя как избалованные примадонны. Когда я еще был учеником, однажды привез заказ с послеобеденным чаем для какой-то артистки из известной компании, так она вернула всё обратно. Она заранее не предупредила, что у нее аллергия на арахис, а ее ассистент вел себя настолько высокомерно! Требовал вернуть деньги, угрожал, что выложит всё в сеть и обвинит нас в нарушении безопасности пищевых продуктов. А мой босс, трусливый, как заяц, вместо того чтобы постоять за своего сотрудника, просто выместил всю злость на мне. Черт возьми, придурки какие-то.

Мо Сяобэй выругался и с силой откусил кусок шашлыка, после чего небрежно вытер тыльной стороной ладони жирный рот.

- Ой, ну я же тоже человек из этой сферы. Зачем ты так? Мне даже обидно стало, - Фу Яньлинь полушутя надул губы и подлил горячего чая в чашку Мо Сяобэя. - Поменьше пей алкоголя, я заметил, что ты последние пару дней постоянно покашливаешь.

Мо Сяобэй замер, опустил глаза, сделал глоток горячего чая и со вздохом, в котором сквозила явная зависть, произнес:

- Ты совсем другой человек, - произнес Мо Сяобэй. - Хотя ты тоже порой бываешь тем еще занудой и привередой, но, по крайней мере, ты рассудителен. Эх, как же это, должно быть, здорово, когда тебя любит столько людей! Смотри, сегодня, в самый первый же день, ты завоевал невероятную популярность. Сестра Чэнь просто сияла от счастья - столько людей пришло в бар именно ради твоего голоса, - сказав это, Мо Сяобэй с насмешливой улыбкой легонько толкнул Фу Яньлиня локтем в плечо:

- Я всё видел. Та девушка очень хотела угостить тебя выпивкой. Наверняка ты и вичат её добавил? В Лицзяне такие курортные романы завязываются на раз-два.

- А если я скажу тебе, что когда-то давал концерты на стадионе Гонконгский Колизей, и зрителей в зале было меньше трети? - Фу Яньлинь посмотрел на него с грустной усмешкой. - Ты бы и тогда завидовал? Тот стадион вмещает десятки тысяч человек. Ты ведь фанат того певца, так что знаешь: на его концертах яблоку негде упасть, а билеты достать практически невозможно. А на моих? В итоге мне приходилось доплачивать из собственного кармана, приглашать всех знакомых и друзей, чтобы создать хоть какую-то видимость заполненности, и раздавать листовки прямо на улице. Но даже так я в итоге не окупил расходы. Всё закончилось довольно плачевно.

Фу Яньлинь закурил и произнес это так равнодушно, словно рассказывал какую-то старую, чужую историю, которая больше совершенно не касалась его самого.

Мо Сяобэй слегка нахмурился. Его сердце словно сжали в кулаке, по груди разлилась ноющая, тягучая боль, а в глазах, устремленных на Фу Яньлиня, появилось глубокое сочувствие:

- Ты...

- Эй, даже не смей смотреть на меня с такой жалостью! - воскликнул Фу Яньлинь. - Слышал поговорку? Даже Чжан Гожуну потребовалось восемь лет, чтобы стать по-настоящему знаменитым, что уж говорить о таком бездарном и невзрачном цыплёнке, как я. Тогда я был молод, горяч и слишком спешил доказать всему миру, на что способен. Но знаешь, я был счастлив. Я пел и танцевал с огромным, искренним удовольствием. Сцена была такой огромной, и даже если в зале сидел всего один человек, даже если оставался всего один-единственный зритель, который слушал меня, я бы всё равно допел для него до самого конца.

Фу Яньлинь нарочито сделал вид, что ему всё равно, и, залпом допив остатки пива, резко сменил тему:

- Хочешь послушать грязные сплетни из мира шоу-бизнеса? Расскажу тебе настоящий эксклюзив.

- Забудь, мне совершенно неинтересно слушать про других, - Мо Сяобэй покачал головой. - Если выражаться высокопарно, то у каждого, кто приезжает в Юньнань, есть своя история, каждый в какой-то мере ищет самого себя. Господин певец, признаться, я не ожидал, что твоя история окажется настолько захватывающей. Мне вполне достаточно слушать тебя одного.

Мо Сяобэй потянулся за бутылкой, но обнаружил, что она пуста - Фу Яньлинь успел забрать её себе.

- А у тебя самого есть какая-то история? Просто работать поваром в гостевом доме? Кем ты трудился раньше, мастер? - Фу Яньлинь высоко поднял бутылку, не давая Мо Сяобэю до неё дотянуться. Его пальцы в этот момент едва коснулись раскрасневшегося от алкоголя лица Мо Сяобэя. - Ты уже немного пьян, больше не пей.

- Черт, ты что, ребенок? - возмутился тот. - Мать твою, я не такой, как вы, ваши городские. Я тот, кто ищет истории! Я - современный бог кулинарии, хе-хе-хе!

Мо Сяобэй в тот вечер смешивал крепкий алкоголь с пивом, и хотя выпил объективно не так уж много, всё же изрядно захмелел. Поддавшись действию спиртного, он начал немного буянить: чем больше Фу Яньлинь пытался ему запретить, тем сильнее Мо Сяобэю хотелось сделать всё ровно наоборот.

Фу Яньлинь беспомощно улыбнулся, отбросил пустую бутылку в сторону, расплатился за заказ и, бережно поддерживая пошатывающегося Мо Сяобэя, повел его прочь из кафе.

Небо уже начало медленно светлеть, когда они наконец вернулись в гостевой дом. У Мо Сяобэя сегодня был законный выходной, так что он мог вернуться в свою комнату и сразу завалиться спать. Однако, как только он переступил порог, его затуманенный алкоголем взгляд мгновенно прояснился. Он залпом выпил стакан ледяной холодной воды, открыл телефон и, помедлив несколько секунд, глубоко вздохнул. Поддавшись жгучему любопытству, он ввел в поисковик имя Фу Яньлиня.

На него тут же обрушился настоящий шквал кричащих заголовков и ядовитых, злобных комментариев. Нахмурившись, он всматривался в эти черные буквы с обилием восклицательных знаков, чувствуя, что в груди сдавливает, и он почти не может дышать. Затем он дрожащими руками открыл страницу в вейбо Фу Яньлиня. Внизу, в разделе комментариев, были сплошные оскорбления. Мо Сяобэй никак не мог понять, почему люди способны так сильно ненавидеть такого доброго и искреннего человека. Эти люди с каким-то остервенением выплескивали всю свою внутреннюю грязь на мужчину, и даже если кто-то пытался его защитить, этого человека тут же поглощала новая волна слепой злобы, словно нашествие саранчи. Мо Сяобэй не выдержал. Он яростно нажимал кнопки «пожаловаться» и «заблокировать» до тех пор, пока рука не начала ныть от напряжения, а затем поспешно выключил телефон и отбросил его подальше от себя.

Он с силой потер ноющие виски; голова начала невыносимо болеть. Наконец, он просто уткнулся лицом в подушку, и только когда воздуха стало катастрофически не хватать, резко поднял голову, тяжело и прерывисто дыша. Он даже не заметил, что его глаза наполнились слезами.

В это же время Фу Яньлинь лежал в своей постели, ворочаясь с боку на бок. То ли он слишком сильно отвык от сцены, то ли внимание такого количества людей вызвало в нем давно забытое, трепетное волнение, но он наконец почувствовал глубокое удовлетворение от того, что его признали. Его голос не стал хуже! К тому же, выпивать и просто болтать с Мо Сяобэем было на редкость приятно. Это покрасневшее лицо и глуповатая, искренняя улыбка никак не выходили у него из головы.

«Этот дурачок... Пить совершенно не умеет, а туда же лезет. Круглая голова, черные волосы, так похож на... Погоди! О чем я вообще сейчас думаю? Это я, видимо, перепил!»

Фу Яньлинь в ужасе мысленно дал себе звонкую пощечину и резко вскочил с кровати. Раз уж заснуть всё равно не получается, решил он, стоит прогуляться и выплеснуть накопившуюся энергию. Но, сделав всего несколько шагов от двери, он – то ли потому, что гостевой дом был совсем небольшим, то ли повинувшись какому-то странному предчувствию – сам не зная как, оказался у двери комнаты Мо Сяобэя.

«Как я вообще здесь оказался? Он ведь наверняка уже спит, зачем я вообще пришел?» – Фу Яньлинь начал злиться на свою внезапную импульсивность. Действительно, алкоголь всё еще ударял в голову; как можно было позволить низменным инстинктам взять верх над разумом? Но в следующую же секунду дверь внезапно, без всякого предупреждения, открылась.

<http://bllate.org/book/17942/1720714>